

 уДачный
Детектив

Не пугай **ЕЖА**
ГОЛЫМ задом

Михаил
Серегин

Михаил Георгиевич Серегин

Не пугай ежа голым задом

Серия «уДАчный детектив»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169544

Серегин М. Г. Не пугай ежа голым задом: Роман : Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-30551-3

Аннотация

Жили не тужили, и нате вам! Клятвенно обещал бизнесмен Кряков устроить рядом с садовыми участками райский уголок. Ключнули на его посулы садоводы, разрешили распорядиться близлежащей территорией. И жизнь вместо рая превратилась в ад. Тут вам и шумная компания, не дающая садоводам спать по ночам, и любители пейнтбола, пачкающие краской их дома, и члены клуба нудистов, оккупировавшие озеро. Всем им Кряков сдал на лето кому лес, кому дачу. И теперь горят дачники яростным желанием покончить с этой напастью. Но как? Хитроумные супруги Саша и Маша все мозги сломали, пока не нашли выход. Выход неожиданный...

Содержание

Глава 1. МАША. РАДУЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	4
Глава 2. САША. А ВЕДЬ Я ПРЕДУПРЕЖДАЛ!	16
Глава 3. МАША. БЕДА ХОДИТ НЕ ОДНА, А С ДЕТКАМИ	28
Глава 4. САША. СОМНИТЕЛЬНЫЕ БЛАГА ЦИВИЛИЗАЦИИ	36
Глава 5. МАША. НОВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ	47
Глава 6. САША. ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА НАД НАМИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ	55
Глава 7. МАША. АД КРОМЕШНЫЙ В ОДНОМ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ ДАЧНОМ КООПЕРАТИВЕ	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Михаил СЕРЕГИН НЕ ПУГАЙ ЕЖА ГОЛЫМ ЗАДОМ

Глава 1. МАША. РАДУЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

– Как упоительны в России вечера!.. – с чувством, проникновенно выводил своим козлетоном наш сосед по даче справа Сергей Сергеевич Богданов.

Ни слуха, ни голоса у него не было, так ведь давно известно, что больше всех любят петь именно те люди, у которых нет к этому никаких способностей. А вообще-то, человек он был неплохой, хотя и не бедный – сочетание в наше время крайне редкое, но все-таки иногда встречается. Жил он на своей зимней даче постоянно с гражданской женой Ларисой, которая сейчас отсутствовала – уехала навестить родственников в Саратове, так что настроение у него было печальное.

Богданову не менее «благозвучно» и во весь свой командирский голос вторил наш сосед слева Виктор Петрович Афонин, подполковник в отставке, который в силу бывлой профессии сбивался, правда, на маршевый ритм, а ему, в

свою очередь, поддвигала в буквальном смысле этого слова его собака со странной кличкой Тереза (это Афонин ее так назвал в честь бросившей его жены), но мы с мужем именовали ее за сволочный характер Заразой, а его самого Куркулем, к чему имелись самые веские основания – прижимист он был без меры. Человек он был весьма своеобразный, нрав имел крутой, за словом, порой и непечатным, в карман не лез, но при этом всегда был готов прийти на помощь. Он тоже постоянно жил на даче и хозяйство свое организовал всем на зависть – у него ни один квадратный сантиметр земли не простаивал, а все было организовано крепко, основательно, были даже кролики, мясом и шкуркой которых он торговал, и куры, и не только потому, что он считал домашние яйца более полезными, но и, что было для него куда важнее, дешевыми.

Мой муж Александр, хотя и голос у него был приятный, и музыкальным слухом его Бог не обделил, в этом хоре не участвовал, и совершенно ясно почему – он молчал, потому что перекрыть это, с позволения сказать, «пение» ему было не по силам, тут бы и пожарная сирена стыдливо смолкла. А я сидела и от души, но втихомолку веселилась, глядя на этот дуэт, а если считать еще и Заразу, то на трио.

Собрались же мы у нас на даче по архиважному поводу: обмывали беседку, которую Саша, не без помощи, конечно, рабочих, наконец-то соорудил – достала-таки я его. Раньше наши застолья проходили за простым деревянным столом

под яблоней, который еще мой папа поставил, но, поскольку мы вот уже много лет весь дачный сезон практически безвылазно проводим на даче, я все это время пилила мужа насчет беседки, где мы могли бы и в дождь культурно посидеть, а не метаться между домом и столом, едва начнет накрапывать. В дальнейшем я планировала пустить по ее периметру какое-нибудь вьющееся растение или хотя бы дикий виноград, но нам и сейчас без всего этого было там вполне уютно. На столе красовались фирменные Сашкины шашлыки, точнее, то, что от них осталось, хорошее и очень недешевое вино привез Богданов, а Афонин внес свою традиционную лепту – его соленья славились на весь поселок. И вот теперь, сытые и немного пьяные, мы наслаждались чудным летним вечером, в лесу, что неподалеку, всюду заливались какие-то птахи, легкий ветерок приятно охлаждал разгоряченные за день тела – жара стояла несусветная, хотя по утрам было довольно свежо, и даже надоедливые кровопийцы-комары не могли испортить нам настроение.

Пока я вот так размышляла, певцы перешли к «Подмосковным вечерам», что было гораздо актуальнее – дачи-то наши находятся как раз в относительно ближнем Подмосковье, в Боровском районе, всего в двух километрах от деревни Салтыковка, куда мы частенько наведывались за продуктами.

Но вот песня кончилась, и я облегченно вздохнула, тем более что Сашка разлил вино и собрался сказать тост. «Ин-

тересно, за что же мы сейчас будем пить? – подумала я. – За беседку пили, за тех, кто ее поставил, тоже, за меня, единственную за столом даму, само собой, за будущий урожай – святое дело. Правда, Богданов к этому никакого отношения не имел, огорода у него не было – Лариса в основном разводила цветы, а всем остальным планировала заняться только на будущий год, потому что в этом-то она ничего не сажала из-за того, что слишком поздно у нас здесь появилась, когда уже все сроки были упущены».

– Ну, и за что же мы будем пить? – с интересом спросила я.

– А за нас всех! – торжественно сказал Сашка. – За соседей! Как говорят в народе: «Близкий сосед лучше дальнего родственника!» И это совершенно правильно! Разве же грядки на даче главное? Или то, у кого какой туалет? Нет! Главное – это соседи! То есть мы с вами! Конечно, и у нас бывали всяческие недоразумения, но мы никогда не раздували их до размеров вселенского пожара, а всегда находили компромиссные решения и продолжали жить в дружбе и согласии! Вот я и предлагаю выпить за то, чтобы такие замечательные отношения связывали нас и впредь!

– Эх, хорошо сказал! – чуть ли не прослезился Афонин, а растрогавшийся Богданов полез к Сашке целоваться.

Я же смотрела на мужа и думала: «А ведь действительно хорошо сказал! Повезло мне с мужем! И внешностью взял, и умом, и характером – может, когда надо, и жестким быть! Ему уже тридцать пять, а идешь с ним по улице, так даже

сопливые девчонки засматриваются на этого высокого голубоглазого блондина, настоящего викинга, особенно когда он бороду отпускает! И в компании ему все в рот смотрят и ждут, когда он очередную хохмочку выдаст или анекдот! И в профессии он себя нашел! Не скажу, чтобы клиенты к нему в очередь стояли, но от недостатка заказов на проведение экспертиз – он у меня эколог, причем не из последних в Москве! – мы не страдаем! Да и другие интересы у него есть: раньше вот туризмом занимался, а потом краеведением увлекся. Да уж! Муж у меня хоть куда!»

Мы дружно выпили, и Афонин сказал:

– Прав ты, Саня! Недоразумения везде и всегда бывают! Тут действительно главное, как к ним подойти!

– Так мы же все разумные цивилизованные люди! – подхватил Богданов. – Соседей, как и родителей, не выбирают! Нужно уметь сглаживать конфликты и, что самое главное, понимать друг друга!

– За взаимопонимание! – голосом киношного генерала провозгласил Виктор Петрович и снова разлил вино по бокалам. – Оно у нас и сейчас есть, и, даст бог, и дальше будет!

– За наше безоблачное во всех отношениях будущее! – подытожил Сергей Сергеевич.

Не успели мы выпить, как раздался стук в калитку, и мы удивленно переглянулись – мы с мужем никого не ждали, да и к Афонину с Богдановым тоже прийти никто не мог.

– Входите! – не вставая с места, крикнул Сашка и пожал

плечами – кого, мол, это нелегкая принесла в такое время?

Да и действительно! Если бы мы кого-нибудь потревожили своим пением, то народ у нас здесь нестеснительный, сразу бы крикнули, чтобы мы заткнулись, но идти к нам сюда выяснять отношения? Нет! У наших так не принято, а значит, это кто-то чужой! И я оказалась права, потому что в открывшуюся калитку на наш участок вошли мужчина и женщина. Пока они направлялись к нам, я успела хорошо их разглядеть. Дамочка была расфуфырена в пух и прах – явно не дачная жительница, тут у нас все попроще одеваются и килограммами макияжа лицо не штукатурят, да и мужчина был тоже мало похож на дачника: в строгом костюме, белой рубашке с галстуком вид он имел самый что ни на есть официальный, – но вот глаза его мне совершенно не понравились, такие в пору темными очками закрывать – уж очень острый и хищный был у него взгляд.

– Присаживайтесь! – пригласил их Сашка.

– Маша! Ты бы принесла бокалы для новых гостей! – попросил меня Богданов, который в состоянии подпития был бесконечно добродушен и любил весь окружающий мир без исключения.

– Спасибо, но мы по делу! – отказалась женщина и принялась раздавать нам свои визитки.

– Елена Леонидовна Артамонова, заместитель главы администрации Боровского района, – прочитала я вслух.

– А я Александр Викторович Кряков, владелец фирмы

«Забава», – представился мужчина и тоже раздал нам свои визитные карточки. – Моя фирма занимается организацией досуга и отдыха... – начал он, но его перебил крепко выпивший Виктор Петрович.

– По нынешним временам это просто прикрытие публичных домов, – авторитетно заявил он.

– Ну что вы! – ничуть не обидевшись, воскликнул Кряков. – Ничего подобного! Все в строгом соответствии с законом! Да вы и проверить можете, если хотите! Меня в Боровске все знают! У меня риелторская контора, несколько кафе и развлекательных клубов! Да и дискотека для молодежи имеется! Пусть уж подростки свой досуг культурно проводят! Все же лучше, чем по подворотням и подъездам дурь курить или еще чего хуже!

– Что же привело вас сюда? – спросила я.

– Видите ли, – начала Артамонова, – я по долгу службы нахожусь в курсе всех проблем дачников.

– А у нас никаких проблем нет! – возразил Сашка.

– Да-да! Я знаю, что благодаря некоему спонсору... – начала было она, но я перебила ее:

– Можете с ним лично познакомиться! Вот он, Сергей Сергеевич Богданов! Именно благодаря ему у нас на дачах и туалеты с ванными комнатами, и газ, и электроснабжение бесперебойное! Да и дорога к нам теперь проложена хорошая! Какие же у нас могут быть проблемы?

Некоторое время она в замешательстве помолчала, а по-

том нашлась:

– А неорганизованные отдыхающие? Те, кто приезжает сюда на рыбалку или просто провести время на природе? Вы же будете возражать, что после них остаются горы мусора? А эти костры, которые они разводят? Ведь при неосторожном обращении с огнем и пожар может вспыхнуть?

Тут нам крыть было нечем, потому что толпы туристов были нашей непроходящей головной болью, они действительно частенько навевались сюда, и то, что после них оставалось, нельзя было назвать даже свинством, чтобы не оскорблять животных.

– Как же вы собираетесь решить эту проблему? – с интересом спросил Афонин.

И его вполне можно было понять, потому что пожар стал бы для него катастрофой – у него же не было другого жилья, кроме дачи. Богданову-то что! Он вполне мог бы купить себе квартиру в городе, что и собирался со временем сделать, а пока все деньги вкладывал в бизнес, а вот у Виктора Петровича таких средств не было!

– С помощью Александра Викторовича, – тут же ответила она.

– Причем вашему садоводческому товариществу это не будет стоить ни копейки! – заверил нас Кряков. – Вы еще и в выигрыше останетесь!

– А поподробнее можно? – спросил Сашка. – А то, знаете ли, бесплатный сыр бывает только в мышеловке!

– Как можно! – слегка оскорбился Кряков и попросил: – Вы посуду на столе не отодвинете? – А сам тем временем достал из портфеля сложенный в несколько раз лист ватмана.

Заинтересовавшись, мы быстро переставили тарелки с бокалами и все прочее, освободив ему место, где он этот лист и разложил, а потом принялся пояснять:

– Вот это территория вашего кооператива. Она огорожена забором, и есть даже ворота со сторожкой. За эти пределы мы ни в коем случае не будем переступать. Но вот прилегающую территорию, то есть лес и часть берега, мы облагородим. Мы обнесем это место колючей проволокой, поставим свои ворота, и въезд туда будет только платный.

– А!.. – начал было Афонин, и Кряков, с ходу поняв его, поспешно заверил:

– Для членов вашего товарищества он будет бесплатный! – После чего продолжил: – Мы уберем оттуда весь мусор... Кстати, я думаю, вы не будете против, если на вашей территории он тоже будет убран?

– А то! – обрадовался Виктор Петрович.

– Вот и замечательно! – улыбнулся ему Кряков. – Там мы откроем магазин и летнее кафе, что, наверное, и вам понравится, потому что не придется в деревню ездить.

– А главное, в вашем поселке вы больше не увидите посторонних людей! Никаких вам бомжей и прочего асоциального элемента! – закончила Артамонова. – На уровне местной власти все уже решено, и мы готовы передать господи-

ну Крякову на летний период в пользование прилегающую к вашему дачному поселку местность для организованного отдыха и развлечения столичной публики. Теперь остается только получить согласие вашего кооператива.

– Предлагаете нам поменять шило на швайку? – совсем недипломатично поинтересовался Богданов. – Одних столичных лоботрясов на других? Какая нам разница?

– Ну что вы? – всплеснул руками Кряков. – Какие лоботрясы? Исключительно семейный и корпоративный отдых. Люди не с улицы, а солидные, спокойные! Они ведь тоже хотят провести время на природе, но в культурной обстановке! Тем более что на вашей территории они и не появятся! – принялся увещевать нас он.

– Да вы посмотрите только, сколько дач мы уже обошли! – вступила Артамонова и продемонстрировала нам лист бумаги, испещренный подписями. – Большинство людей только «за». Они же хотят, чтобы здесь наконец-то навели порядок, перестали шляться чужие люди и закончилось нескончаемое нашествие бомжей.

– Мне эта идея не нравится! – решительно заявил Сашка и обратился к нам: – Вы только подумайте! Сначала появятся магазин и кафе, за ними откроют обменник, тут же возникнет стихийный рынок, где деревенские будут продавать свои продукты... И что в результате? А то, что толпы отдыхающих испаскудят нам природу, ради которой мы сюда и ездим... Нет, я не согласен!

– Ну, ты как хочешь, а я не против, – подумав, сказал Афонин. – Я тут прикинул, сколько трачу на бензин, чтобы в деревню съездить, и решил, что покупать все это прямо у себя под носом будет гораздо выгоднее. Так что я «за»!

– Вообще-то, бомжи мне и самому поперек горла стоят, – заметил Богданов.

– Наверное, я тоже соглашусь, – сказала я и повернулась к мужу: – Можно будет и в кафе вечером сходить, чтобы посидеть в цивилизованной обстановке, потому что до туристического центра на другом берегу озера все-таки далековато, а тут совсем рядом. Не все же мне возле плиты торчать, пока ты на своей рыбалке пропадаешь!

Вообще-то, туристический центр на озере принадлежал Богданову, но он никогда не пустовал, а раз потеря нескольких посетителей его ресторана не слишком расстроила самого Сергея Сергеевича, которого, как оказалось, гораздо больше волновали бомжи, то и мне не приходилось стесняться.

– Кстати, о рыбалке! – спохватился Кряков. – Совсем забыл! Я же озеро почищу и пляж культурный, песчаный отсыплю!

– Спасибо, но меня устраивает все как есть, – неприязненно заметил Сашка, укоризненно посмотрев на меня, словно хотел сказать: «Что же ты меня не поддержала? Эх ты!»

– Ну так что? Будем подписывать? – спросила Артамонова, решив ковать железо пока горячо.

Ища поддержки, Сашка посмотрел на Богданова и Афо-

нина, но те только развели руками, и мой муж понял, что остался со своим «против» в меньшинстве, но решил не сдаваться и попросил:

– Дайте посмотреть, что это за документ!

Кряков охотно протянул ему несколько разрозненных листков бумаги и пояснил:

– Здесь изложены мои планы по организации отдыха и согласие дачников на то, что для этого будет использована прилегающая к их поселку территория.

Сашка взял этот документ, начал читать, а потом попросил Богданова:

– Сергеич! Ты в таких вещах лучше разбираешься, посмотри, что к чему!

Но тот, добродушный от выпитого, только отмахнулся, и Сашке пришлось читать самому, что он и сделал самым внимательным образом, а потом удивленно сказал:

– Так это даже не договор! Это просто протокол о намерениях, которые ни к чему никого не обязывают!

– Тем более не будет ничего страшного, если мы это подпишем, – небрежно ответила я, потому что меня, откровенно говоря, начало раздражать Сашкино занудство.

– Ну, смотри! – сказал мой муж, возвращая бумаги Крякову. – Только не говорите потом, что я вас не предупреждал!

Но наше решение было непоколебимым, и мы – Богданов, Афонин и я – подписали этот документ.

Глава 2. САША. А ВЕДЬ Я ПРЕДУПРЕЖДАЛ!

«Правильно говорят, что дураков не сеют, не жнут, они сами родятся во множестве!» – с горечью думал я, покидая общее собрание членов нашего садоводческого товарищества, которое состоялось вскоре после визита на нашу дачу этой «сладкой парочки», где Кряков вкупе с Артамоновой обещали дачникам молочные реки с кисельными берегами, а те развесили уши и радостно проголосовали «за». Сколько я ни пытался втолковать им, что они сообща нашли приключение на свою пятую точку, но мой голос оказался гласом вопиющего в пустыне.

– Вот посмотришь, Маруся, чем это закончится! – мрачно пророчествовал я по дороге домой, но не нашел понимания даже у собственной жены, настроенной весьма радужно.

На следующее утро я собрался на рыбалку, надеясь хоть там отдохнуть душой. Картина на озере была прямо-таки идиллическая: солнце еще не раскочегарило свой котел, и легкий ветерок приятно охлаждал кожу, весело пели птички, приветствуя наступление нового дня, воздух был напоен ароматами трав и цветов, а еще неописуемым запахом свежести, который можно почувствовать только возле воды. Я занял свое любимое место, закинул удочки и, любуясь озером,

мелкой рябью на поверхности воды и легким шевелением и шорохом тростника и веток на кустах, растущих на берегу, погрузился в блаженное состояние ничем не замутненного покоя, практически релаксации.

Но наслаждался я недолго, потому что мирную тишину этого утра вдруг взорвал рев двигателей. Он был такой оглушительный, что я невольно вскочил на ноги, чтобы посмотреть, что творится. И я увидел то, что можно было назвать только кошунством: к водоему, сдирая протекторами дерн, подъезжал трал, на котором стоял огромный экскаватор. Потом экскаватор съехал на землю, и началось то, что, видимо, Кряков называл чисткой озера. А свелась она к тому, что экскаватор-драглайн своим ковшом вычерпывал со дна ил вместе с рыбой и выбрасывал все это на берег. Взирать на это равнодушно было выше моих сил, и я бросился к рабочим.

– Вы что творите? – орал я, стараясь перекрыть рев мотора. – Немедленно прекратите! Вы же губите озеро!

Работяги, какие-то гастарбайтеры из Средней Азии, то ли плохо знали русский язык, то ли делали вид, что не понимают меня, так что на все свои возмущенные вопли я получил в ответ:

– Моя твоя не понимай! У нас Кряк начальника! Ты с ним говорить!

Причем свою так называемую трудовую деятельность они при этом и не думали прекращать, а еще попутно радостно набивали мешки бьющейся на берегу рыбой. А я стоял

и от чувства собственного бессилия прекратить это варварство наливался яростью, которая разорвала бы меня, если бы я периодически не цедил сквозь стиснутые от бешенства зубы такие выражения, какие ни в коем случае не решился бы произнести в публичном месте да еще в присутствии женщин и детей. Но вот трал с экскаватором уехал, а я совсем было собрался облегченно вздохнуть, да не тут-то было! Приехали один за другим несколько самосвалов с песком, который они вывалили прямо поверх ила и водорослей, и работяги начали тут же лопатами растаскивать его по всему берегу – у Крякова это называлось: отсыпать пляж.

Настроение у меня было испорчено вконец, и я, понимая, что не в силах ничего изменить, понуро поплелся в поселок, а там, оказывается, уже полным ходом шла работа. Из лесу доносились громкие голоса строителей, устанавливавших забор из колючей проволоки. Причем говорили они каждый на своем языке, почему-то прекрасно понимая друг друга, и при этом от души пересыпали свою речь таким ядреным русским матом, который не шел ни в какое сравнение с тем, что я недавно выдавал на берегу, – это был просто детский лепет. Не успел я отойти от этого шока, как увидел, что по лесу пробирается, подминая под себя кусты и молодые деревца, трактор с буром, наверное, для установки опор из асбоцементных труб. Бросаться к нему и взывать к совести работяги, судя по виду, все из той же Средней Азии, было совершенно бесполезно – плевать им на нашу природу! Они

нашли себе хорошую работу и стараются изо всех сил, надеюсь, что за нее прилично заплатят.

Ужас, полная безысходность и бессилие сводили меня с ума! Поняв, что нервы у меня на пределе и долго так не выдержу, я, забросив удочки и прочие снасти домой и отмахнувшись на вопрос жены, куда это я собрался, пошел в Салтыковку, где купил блок сигарет, хотя уже давным-давно бросил курить, и бутылку водки. Уже на выходе из магазина я решил, что маловато будет, и взял еще одну бутылку. Идти с ними домой и объясняться с женой у меня не было ни малейшего желания, так что я завернул к Юричу – это наш сторож, человек добрейшей души! Когда-то он работал на оборонном заводе, но потом случилось то, что случилось: оборонка рухнула, и он остался не у дел. Руки у него были золотые, он всегда отзывался на просьбу что-нибудь починить и мог отремонтировать даже то, что по определению не подлежало ремонту, а расплачивались с ним за это «жидкой валютой», потому что был, как он это высокопарно называл, привержен слабости, то есть попросту пил, но норму свою знал, и это воодушевленное состояние, как ни странно, нимало не сказывалось на его способностях, так что было решено считать такое состояние рабочим и не обращать внимания. Предпочитал же Юрич не водку, а какое-нибудь дешевое вино типа портвейна или «Анапы», так что в буквальном смысле этого слова моим собутыльником он быть не мог, но морально поддержал! Кажется, я даже плакал, рассказывая

ему о том варварстве, которое видел своими собственными глазами, а он только сочувственно кивал, да мне большего и не требовалось. В результате я осилил только одну бутылку, а вторую забрал домой. Когда же я вернулся на дачу, то прочел в глазах своей жены тако-о-ое, что предпочел ничего не объяснять, а сразу же прошел в комнату для гостей, где рухнул на диван и вырубился. К чести Маруси надо сказать, что она никогда не устраивала разбор полетов, когда я, бывало, приходил домой крепко выпивши, а оставляла это на утро, за что ей великое спасибо.

На следующий день она при виде меня только презрительно поджала губы и отвернулась, молчал и я. Первой не выдержала Маруся и спросила:

– Повод был?

– А ты была на озере, когда из воды вместе с илом и водорослями живую рыбу ковшом на берег выбрасывали? Ты видела, как трал с экскаватором дерн с земли, как шкурку с банана, сдирал? Ты видела, как трактор подминал под себя молодые деревья и кусты, а за ним оставалась такая полоса, что хоть танцуй? – спросил в ответ я.

– И твоя душа эколога не выдержала? – усмехнулась она. – Мало того, что ты нажрался, как свинья – и как только до дома-то добрался? – так ты еще и курить снова начал!

– Тебе, Маруся, надо было выходить замуж за толстокожего мужика, который забойщиком на мясокомбинате работает. Глядишь, со временем и сама бы броней покрылась, –

бросил я и, не доев, ушел в сад.

Там я устроился в беседке с сигаретой и твердым решением не выходить за пределы участка, пока это все не закончится. Но меня и там достали! Первым был Афонин.

– Ты представляешь, Саня! – возмутился он. – Пошел я в лес, чтобы моя Тереза могла на свободе побегать да порезвиться, а оказалось, что туда ходу больше нет! Ту тропинку, по которой я обычно ходил, перегородили колючей проволокой! Да и всю землю перепахали так, что пройти невозможно! Что это за дела у нас в кооперативе творятся?

Я спокойно выслушал его гневный монолог, а потом спросил:

– Ты свою подпись ставил? – и сам же ответил: – Ставил! Вот и хлебай полной ложкой!

Не ожидавший такого, Виктор Петрович сначала остолбенел, а потом резко встал и сказал:

– Эх, ты! Я к тебе как к человеку пришел, а ты вон как! – и, плюнув с досады, ушел.

Потом к Марусе заглянула соседка, и они так громко разговаривали, что я, даже не вслушиваясь, узнал, что прямо у наших ворот, у сторожки, рабочие уже собирали шатер наподобие тех летних кафе, которые я называл «пивными», что с наступлением тепла устанавливались на каждом свободном месте, там же рядом с давно не работавшей, а оставшейся еще с тех давних времен, когда сотовой связи не существовало, телефонной будкой поставили контейнеры для мусора.

– Ну вот! Начало положено! Дальше шибче будет! – мрачно пообещал я жене, когда соседка ушла.

Маруся мне на это ничего не ответила – холодная война между нами, вызванная моим необоснованным, с ее точки зрения, пьянством, все еще продолжалась, но тут пришла наша соседка из дачи напротив – заботливая бабушка двух непоседливых внуков и, едва войдя в калитку, начала жаловаться:

– Прямо не знаю, что и делать! Эти работяги ругаются так, что хоть святых выноси! Да еще и во весь голос! Уже и мальчишки мои за ними повторять начали! Муж пытался этих негодяев, рабочих то есть, образумить, а они и его послали! – и попросила: – Маша! Может, твой Саша с ними как-то разберется? Он мужчина крупный, сильный! Вдруг они его послушаются?

– Без толку с ними разговаривать! – бросил со своего места я. – Они сделают вид, что не понимают по-русски. Я уже пытался с ними поговорить, так что знаю. Они только Крякова боятся – хозяин все-таки.

– Значит, с ним и поговоришь! – непреклонным тоном велела мне жена, и я обрадовался, что она наконец-то обратила на меня внимание.

Когда и эта соседка, немного успокоенная, ушла, Маруся сказала:

– И действительно, Саша! Я, конечно, не гимназистка, но то, что они выдают, да еще так громко, уже ни в какие ворота

не лезет!

– Ты подписывала эту филькину грамоту, вот и получаешь то, о чем я тебя предупреждал, – напомнил я, но, встретив ее разъяренный взгляд, пообещал: – Да поговорю я с Кряковым! Поговорю!

– Мне кажется, ты излишне драматизируешь ситуацию, – снизошла до объяснений жена. – Это все временные трудности! Представь себе, что у нас дома идет ремонт! Вокруг хаос, грязь и пыль, зато потом все будет прекрасно!

– Ага! Рыба оживет! Деревья с кустарником сами собой вернутся на прежнее место, как и дерн, – потихоньку хмыкнул я себе под нос.

Маруся этого, к счастью, не услышала, так что новое обострение нашим слегка потеплевшим семейным отношениям не грозило.

Решив, что Крякова лучше всего будет поймать где-то рядом с рабочими, я отправился его караулить в лес. Если в самом поселке грохот стоял страшный, то в лесу его можно было по звуку сравнить только с массажированной бомбежкой. Одним словом, натерпелся я там досыта, но Крякова таки отловил!

– Александр Викторович! Вы ведаете, что творите? – для начала спросил я.

– А в чем дело? – в свою очередь, высокомерно спросил он.

– Я, видите ли, эколог и пользуюсь в этих кругах опреде-

ленным весом, – сообщил я. – Так вот! Я был свидетелем того, как нанятые вами работяги... – и дальше я перечислил ему все, что те натворили. – Короче, я собираюсь сообщить об этом в экологическую службу Московской области. А это вам не Боровск, где вы всех с потрохами купили! Штраф вам выставят такой, что мама не горюй, а эту стройку прикроют решением суда. Вы этого хотите?

Он ожег меня очень неприятным взглядом и вынужден был ответить:

– Не очень! А вот чего хотите вы?

– Сделанного не воротишь, но чтобы впредь... – начал я, и он торопливо, наверное, боялся, что я потребую денег в виде отступного, перебил меня.

– Больше этого не повторится! – заверил он.

– Повторяться уже нечему! И так экологический баланс нарушен и восстановится очень нескоро! – невесело усмехнулся я.

– Что-то еще? – без особого энтузиазма спросил Кряков.

– Да! Ваши рабочие ругаются матом так, что просто уши вянут и сами собой в трубочки сворачиваются. А тут ведь женщины... Дети... Объясните им...

– Легко! – охотно согласился он, перебив меня. – Это мы сейчас исправим!

Кряков ушел в лес к строителям, где приказал бригадирам собрать всех работяг, а я остался из любопытства, чтобы узнать, какими методами он собирается убеждать этот ин-

тернационал быть вежливым. Через некоторое время, когда, наверное, все собрались, Кряков, а голос у него был зычный, так мне все было отлично слышно, сказал:

– Слушайте внимательно, чтобы потом никто не говорил, что ничего не знает. Итак...

И тут он начал прямо в алфавитном порядке, словно читая по списку, выразительно произносить все матерные выражение, какие только знал, а знал он их, как я понял, немало. Закончил же он словами:

– Так вот! Чтоб ни я, ни кто-нибудь из жителей этого поселка больше от вас этих слов не слышал! Того, кто хоть раз матюкнется, тут же выгоню к чертовой бабушке, и пусть едет к себе назад с кукишем в кармане. Я ясно выразился? Вы все поняли?

Ответом ему был нестройный, но дружный хор голосов, заверявших его, что они все поняли. Как ни странно, но его метод оказался весьма действенным и рабочие больше не ругались, да вот только разговаривать они начали очень своеобразно: повышенный тон-то остался прежним, но вот теперь в их репликах и монологах преобладали паузы – это работяги явно про себя произносили те слова, которые им было категорически запрещено говорить вслух, но от употребления которых они не в силах были отказаться. Так что диалоги получались весьма забавными.

– Фархад! ... мать! Где лежат эти ... кусачки?

– Где-где! В... – следовал ответ.

- Фархад! Я тебя убью к ... матери! Куда ты их на ... дел?
- Их этот ... молдаванин взял!
- Ну, я его сейчас ... Он у меня узнает, как чужие кусачки ...

Немного повеселившись, слушая эти перепалки, я пошел домой, а в голове у меня все продолжал звучать грохот стройки. Он не стих даже тогда, когда я удалился уже на приличное расстояние, и я понял, что он еще долго будет преследовать меня.

– Маруся! Рабочие отныне будут вести себя как институтки Смольного, так что матерные тирады нам больше не грозят, – вернувшись, сообщил я жене.

Мои слова были восприняты умеренно благосклонно, и я понял, что сегодня не буду отлучен от супружеского ложа. Весь остальной день прошел под аккомпанемент грохота, который становился все громче и громче, потому что рабочие трудились уже в непосредственной близости от ограждавшего наш поселок забора, и это начисто исключало какое-либо общение, а то мы бы себе голос сорвали, так что я сидел в беседке, любуясь плодами рук своих, а жена била поклоны над грядками – это для нее святое. Наконец, с закатом все затихло, и эта тишина нас просто оглушила.

– Не знаю, как ты, Маруся, а у меня такое ощущение, что на мне весь день воду возили, – признался я жене. – Устал так, что сил нет!

– А у меня голова просто раскалывается, а в ушах по-

прежнему стоит этот грохот, – ответила она. – И, как назло, у нас здесь нет никаких обезболивающих таблеток.

– Ничего! Вот посидим в беседке на свежем воздухе, она и пройдет, – обнадежил я ее.

Но спокойный семейный вечер даже в новой беседке не получился. А ведь раньше мы подолгу сидели за столом и специально растягивали ужин, чтобы послушать, как затихает природа, отходя ко сну, и полюбоваться ночным небом. Сегодня же мы наскоро поели и даже грязную посуду не стали заносить в дом, а свалили ее в мойке во дворе, которой продолжали пользоваться, причем не только для того, чтобы вымыть грязные тарелки, несмотря на то что в даче у нас были все удобства, но и для других нужд, потому что одно дело бриться внутри, а совсем другое – в саду, под пение птиц. Да и Маруся тоже любила иногда умыться на свежем воздухе. Не знаю, как жена, а у меня сил хватило только на то, чтобы добрести до кровати, стаскивая на ходу одежду, и упасть на нее.

Глава 3. МАША. БЕДА ХОДИТ НЕ ОДНА, А С ДЕТКАМИ

Ласковое утреннее солнышко заглянуло к нам в окно и разбудило меня. Я сладко-сладко и длинно-длинно потянулась, стараясь не задеть Сашку, который очень чутко спит, и решила немного понежиться, наслаждаясь тишиной, пока она не сменилась шумом стройки. Взглянув на часы, я увидела, что уже довольно поздно, но, поскольку ни Сашке, ни мне нет необходимости каждое утро вскакивать и мчаться на работу к определенному времени, мы никогда рано и не просыпались. И вдруг сквозь полудрему я услышала у нас во дворе чьи-то негромкие голоса. Поудивлявшись, кто бы это мог быть – соседи бы обязательно постучали в дверь, а не таились, как воры, я осторожно встала и выглянула в окно, но ничего не увидела – значит, незваные гости были с другой стороны дома. Я потрогала мужа за плечо – обычно этого достаточно, чтобы разбудить его, но на этот раз он только пробормотал что-то неразборчивое и повернулся на другой бок. «Ладно! – решила я. – Пойду посмотрю сама!» Накинув халат, я вышла на веранду, а оттуда на крыльцо и, оглядев двор, просто остолбенела.

Еще бы мне было не остолбенеть, увидев на своем участке, в собственной беседке парочку уютно устроившихся бом-

жей, которые тоже явно недавно проснулись. Еще один преспокойно стирал свои носки прямо над раковиной, причем грязная, как сажа, мыльная вода текла на оставшуюся там со вчерашнего дня посуду, а за его спиной стоял его дружка бан и брился Сашкиным станком, который всегда лежал там на полочке под зеркалом. Тут до меня дошло, *чем* этот мерзавец стирает свои носки, и я заорала как резаная. Да и какая бы другая женщина смогла остаться спокойной, глядя на то, что этот негодяй, этот подлец, этот подонок использует в своих низменных целях мое мыло «Ив Роше», которым я и Сашке-то разрешаю пользоваться только по большим праздникам. И как же это меня угораздило оставить его там? Но кто же мог предположить такое нашествие бомжей на наш участок? Раньше-то они так не нагтели!

Взъерошенный Сашка выскочил из дома как был, то есть в трусах, но вот топор, который постоянно стоит у нас на веранде, прихватить не забыл. При виде этого великана, да еще и вооруженного, бомжи испуганно сжались и застыли на месте. Как ни заспан был мой муж, но он тут же оценил обстановку и, покачивая топором, пошел на этих подлецов.

– А мы чё? А мы ничё! – лепетали они, пятась от него.

– Вы какого черта тут делаете? – грозно спросил Сашка.

– Так мы же не знали, что тут хозяева ночуют, – объяснил один из бомжей. – Мы думали, что дома никого нет, вот и устроились в беседке.

– А вам что, жалко, что ли? – обиженно спросил второй. –

Мы просто переночевали и все! Ничего не сломали, не сожгли!

– Если не считать того, что брились моим станком, – язвительно заметил Сашка.

– И стирали свои поганые носки моим французским мылом, – почти со слезами выкрикнула я.

– Это тем, которое ты бережешь как зеницу ока? – уточнил муж, оборачиваясь на меня.

– Вот именно! – выразительно сказала я.

– Значит, так, господа бомжи! – с угрозой сказал Сашка. – Сделайте так, чтобы я вас долго-долго искал и никогда больше не нашел. Иначе говоря, вон отсюда, и чтобы духу вашего здесь больше не было! А если еще раз увижу, то пеняйте на себя! Позвоню участковому и как минимум обещаю вам ночь в обезьяннике!

– А мы больше не бомжи! – гордо заявил один из тех, кто был в беседке. – Мы люди социальные! Пролетариат!

– Ишь ты! Пролетарий! – хмыкнула я.

– Да! Пролетариат! Мы сейчас на Крякова работаем. Он нас нанял вашу же территорию от мусора очистить! Ну и вообще, вокруг прибраться.

– Где же он вас, таких трудолюбивых, нашел? – насмешливо спросил Сашка.

– А в Боровске! – ответил второй из тех, кто были в беседке. – У нас там его все знают! Подошел к нам, когда мы бутылки сдавали, и предложил поработать на свежем возду-

хе. И даже сам сюда нас привез!

– Ну, мы и согласились! – продолжил тот, что недавно пытался побриться. – Летом-то в городе разве жизнь? Пыль одна да асфальт! А здесь красота! Воздух чистый! Озеро есть, где вымыться можно! Душа радуется!

– Он нам и денег немного дал, – похвалился бомж, выкручивая свои носки опять-таки на посуду, от чего я даже застонала, но тут этот мерзавец их еще и понюхал, а потом восхищенно сказал: – А пахнут-то как!словно одеколон!

– Оставь мыло в покое, эстет чертов! – заорала я, хотя он его уже давно положил на место, просто я все еще никак не могла отойти от шока – это же надо! Стирать носки французским мылом!

– А потом еще заплатить обещал, – раздалось со стороны беседки. – Только насчет жилья мы с ним не договаривались, вот и присмотрели себе...

– А теперь будете присматривать в другом месте! – жестко сказал Сашка. – И смотрите! Я вас предупредил!

Под его тяжелым взглядом, а муж у меня, когда надо, может так посмотреть, что мало не покажется, бомжи шустро собрали свои манатки и скрылись из виду. Правда, как потом оказалось, перебазировались они совсем недалеко, в лесок, что совсем рядом с нами, где и устроили себе на деревьях некое подобие гамаков. Когда они ушли с нашего участка, Сашка выразительно посмотрел на меня, но ничего не сказал, хотя в его взгляде ясно читалось: «А ведь я тебя преду-

преждал!» Счастье великое, что он промолчал, потому что я была на взводе и в ответ на такое замечание устроила бы ему страшный скандал – какая же женщина способна признаться в том, что сморозила глупость?

Завтрак прошел в тягостном молчании, причем ели мы на веранде, потому что беседку предстояло после нашествия этих незваных посетителей еще как следует отмыть и продезинфицировать – мало ли какая зараза у них водится, да и вшей с блохами и клопами тоже исключать было нельзя – хорошо еще, что на даче у нас есть химикаты и опрыскиватель. Привлекать к этой работе Сашку мне было стыдно – ведь это я, поддавшись на уговоры Артамоновой и Крякова, подписала этот, будь он неладен, протокол о намерениях, а значит, сама и поспособствовала появлению столь наглых бомжей. Но муж, надо отдать ему должное, ничем не попрекнул меня, а сам взялся за эту довольно тяжелую работу, а я занялась посудой, которую решила не только хорошенько отмыть, но еще и прокипятить от греха подальше.

Покончив с посудой, я вышла в сад, чтобы присоединиться к мужу и помочь ему. Работая, мы невольно видели, как бомжи сновали по поселку и честно отработывали полученные от Крякова деньги, собирая мусор в большие черные мешки и оттаскивая их в сторону леса. И тут с той стороны повеяло такой едкой вонью от горящего пластика, что невозможно было дышать, а за запахом последовал и страшный черный дым, который, как грозовая туча, напал на наш

поселок.

– Неужели они собираются сжечь там весь мусор? – в ужасе спросила я.

– А ты что, рассчитывала, что они его в город повезут? – хмыкнул муж.

– Но неужели ничего нельзя сделать? – чуть не плакала я.

– Пойду посмотрю, – сказал Сашка и ушел.

Я же, сцепив зубы, продолжала поливать беседку дезинфицирующей жидкостью, запах которой мне всегда был неприятен, но сейчас воспринимался как хорошие духи – как говорится, все познается в сравнении.

– Они развели костер за забором нашего поселка, – сообщил, вернувшись, муж. – То есть на оккупированной врагом территории. Сделать ничего нельзя – ведь общее собрание решило отдать ее Крякову в пользование, так что сейчас он там хозяин.

– Чтоб ему, паразиту, самому этим воздухом дышать! Причем всю оставшуюся жизнь! – не сдержалась я.

Сашка опять-таки ничего не сказал, а забрал у меня опрыскиватель и принялся поливать беседку.

– Добрый день! – раздался вдруг из-за забора голос Максима Парамонова, которого мы с мужем звали между собой Мажор за его вечно веселый, частенько и без всякой видимой причины, вид. – Чем это так воняет? Вашими химикатами?

– Нет, Максим! – вздохнула я. – То есть химикатами, но

не нашими. Это горит пластик!

– У кого-то пожар? – встревожился он.

– Да нет! Это бомжи мусор жгут, – объяснил ему Сашка.

– Это еще что за новость? – удивился он.

– Так ты ничего не знаешь? – воскликнула я, и мы с мужем на два голоса быстро ввели Мажора в курс дела, а потом я сказала: – Если этот дым и перспектива постоянного соседства с бомжами тебя беспокоят так же, как и нас, то давай вместе думать, как нам противостоять этому произволу.

– Искренне сочувствую вам, но лично мне это по барабану, потому что я сюда ненадолго за вещами заехал, – объяснил он. – Я со своей девушкой собираюсь все лето на курорте провести, так что ничем помочь не могу!

Развернувшись, он пошел к себе на дачу, а мы с мужем удивленно переглянулись.

– Интересно, откуда он деньги на курорт взял? – недоуменно спросила я. – Отец ему дать не мог, это как пить дать!

– Да уж! Иван Александрович на это точно не раскошелится бы! – согласился со мной Сашка. – Он же Мажора в черном теле держит...

– Причем совершенно заслуженно! – добавила я. – Тот еще фрукт!

– Знаешь, Маруся, а ведь курорты бывают разные, – подумав, сказал Сашка. – Это же не обязательно Турция или Египет! И даже, может быть, не Сочи! Вдруг они решили дикарями где-нибудь на Азовском море в палатке пожить? Де-

вушка-то у него, ты сама видела, явно не из крутой семьи и ко всяким излишествам не приучена.

– А что? Вполне может быть! – согласилась я. – Наверное, он просто захотел сбежать от всевидящего ока своего отца и покурлесить на свободе.

Мы вернулись к своей работе и через некоторое время увидели, как Мажор, загрузив свой «Форд» сумками и коробками, сел в машину и уехал.

Глава 4. САША. СОМНИТЕЛЬНЫЕ БЛАГА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ближе к вечеру грохот от стройки стих, а потом я, сходяв на разведку, выяснил, что ни техники, ни рабочих больше не видно – они закончили свое черное дело и уехали, оставив после себя, кроме забора и прочего благоустройства, варварски испоганенный лес, в котором лично мне больше совсем не хотелось гулять, чтобы не расстраиваться. Выслушав эту новость, Маруся облегченно вздохнула и сказала:

– Слава богу! Наконец-то наступит тишина!

– Как когда-то волхвы сказали Ивану Грозному, еще не вечер, – заметил я.

– Это в каком смысле? – насторожилась она.

– В том самом, что неизвестно, что нас еще ждет в будущем, – мрачно ответил я.

– Дорогой, а ты не замечаешь за собой, что постепенно превращаешься в зануду? – приторно-сладким голосом спросила Маруся. – Все бурчишь и бурчишь, как старый дед! Стройка закончилась! Теперь нам ничего не грозит!

– Твои бы слова да Богу в уши! – вздохнул я.

– Ну, знаешь! Ты всегда!.. – возмутилась она, но, к счастью, не смогла продолжить свой гневный монолог, потому

что приняюхалась и обеспокоенно спросила: – Ты ничего не чувствуешь? Вроде горит что-то?

– Бомжи! – кратко, но исчерпывающе ответил я.

– Но они ведь уже сожгли весь мусор, – возразила она.

– Как видишь, нет! Наверное, оставили часть его про запас, – объяснил я.

– Но зачем? – удивилась она, и я просто пожал плечами – не знаю, мол.

Ответ мы получили буквально через несколько минут, когда на наш участок, даже не постучав для приличия в калитку, вошел один из уже знакомых нам бомжей и попросил:

– У вас лаврушечки не найдется?

– Во-первых, я уже сказал всем вам, чтобы вашего духу тут не было, во-вторых, стучать надо, перед тем как войти, – тебя ведь могут и не пустить, а в-третьих, на кой черт тебе лавровый лист? – неласково спросил я.

– Так мы же живые люди и есть хотим. Нас Кряков на все лето нанял, вот мы себе быт понемногу и обустроили. В мусоре и кастрюльку нашли, и еще кое-что из посуды. Вот и решили себе на костерке ужин сварганить, – спокойно объяснил тот.

– А костерок-то из мусора сварганили? – поинтересовался я.

– А из чего же еще? – удивился бомж.

– Вот тебе и ответ, зачем они часть мусора оставили про запас, – повернулся я к жене, а бомжу сказал: – Потравитесь

же, идиоты!

– Ничего! Мы привычные! – отмахнулся тот и снова спросил: – Так как насчет лаврушечки-то?

– Шел бы ты отсюда! – начал было я, но Маруся вдруг сказала:

– Сейчас вынесу!

Я удивленно уставился на нее, а она действительно вынесла бомжу несколько листков.

– Вот спасибо тебе, добрая женщина! – обрадовался тот и тут же попросил: – А кофейком растворимым не поделитесь?

– Не наглей! – рявкнул я.

– Ну, нет так нет! – пожал плечами тот. – Я еще у кого-нибудь попрошу!

– Почему же? Дам! – сказала Маруся, и я просто онемел.

Она вынесла бомжу пакеты кофе «3 в 1», которые с незапамятных времен валялись у нас в шкафчике, и, отдавая, сказала:

– По мелочи можете у нас одалживаться, но при условии: на нашу дачу больше не покушаться, и еще... Сегодня ладно, но перенесите ваш костер куда-нибудь подальше, чтобы дым и вонь от него до нашего участка не доходили, а то просто дышать нечем!

– Куда же мы его перенесем? – удивился бомж. – Мы же специально это место выбрали, чтобы мешки далеко не таскать.

– Ну, тогда вы по-прежнему будете собирать весь мусор

в мешки, а мой муж на нашей машине будет отвозить их к контейнерам, – предложила Маруся.

– А мы чё? Мы запросто! – обрадовался бомж и убежал делиться этой потрясающей новостью со своими «коллегами».

– Маруся! Ты обалдела? – потрясенно спросил я. – Ты чего их приваживаешь? От них же потом не отделаешься!

– Саша! А ты что, не слышал, что их на все лето сюда привезли? – возразила она. – Так что с ними лучше жить в мире, а то они ведь могут и урожай мой в лучшем случае ополовинить, и в дом забраться, а то и поджечь из вредности. Лучше уж так! Не обеднеем!

Определенный смысл в ее словах был, и я не стал возражать, но счел нужным сообщить ей неутешительную новость:

– Дорогая, о своем урожае ты можешь навсегда забыть!

– Это еще почему? – удивилась она.

– А потому, Маруся, что дым от горевшего пластика осел на твои посевы и впитался в них! Если же ты будешь поливать свои овощи и прочее, то отравы с них опять-таки попадет в почву и будет впитываться растениями, превращая их в яд!

– Ты серьезно? – в ужасе спросила она.

– Более чем! – подтвердил я. – Или ты забыла, что я все-таки эколог?

– Неужели от одного раза могут быть такие тяжкие по-

следствия? – не поверила она мне.

– Если ты собираешься использовать меня в качестве подопытного кролика и проверить, умру я или нет, отведая эту, – я кивнул в сторону грядки, – зелень, то я категорически возражаю! Я еще жить хочу!

Жена страшно расстроилась – она очень любила копать-ся в грядках, а потом солить, мариновать и закручивать, в результате чего получаются очень вкусные кушанья, и, лишая себя этого удовольствия, она испытывала страшные муки, которые я не мог с ней разделить, потому что сам ненавижу возиться в земле (ежегодное копание огорода не в счет).

Через некоторое время ветер сменил направление, и от недавно установленного и призывно светившегося разноцветными лампочками летнего кафе потянуло ароматом шашлыков и специй. Запах был весьма привлекательным, и я предложил:

– Маруся! А пошли продегустируем, чем там в кафе кормят! Посидим в культурной обстановке, отдохнем! Тебе потом даже посуду мыть не придется!

– Пошли! – согласилась жена. – Раз уж цивилизация нежданно-негаданно свалилась нам на голову, следует вку-сить от ее плодов. Посмотрим, что там творится.

И вот, переодевшись, мы отправились в кафе. С виду это заведение культурного общепита под неожиданным названием «Сайгон» выглядело весьма привлекательно: небольшой щитовой домик, вероятно, служил кухней, потому что имен-

но из его открытых окон и исходили очень вкусные гастрономические запахи, а вплотную к нему под плотным тентом с непрременной рекламой пива стояли покрытые чистыми бумажными скатертями пластиковые столы и такие же стулья. В центре каждого стола красовалась небольшая ваза с живыми полевыми цветами – все ясно, нарвали неподалеку, – салфеточница, одним словом, вид был самый цивилизованный. Подойдя поближе, мы поняли, почему кафе так называли: там работали исключительно вьетнамцы. Приветливые, улыбчивые и опрятно одетые, они очень обрадовались нашему появлению, потому что мы оказались их первыми посетителями. Мы сели за столик, и около нас тут же, словно из-под земли, вырос невысокий молодой вьетнамец, почти мальчишка, в белоснежной рубашке, который поставил на стол разноцветный бумажный китайский фонарик и зажег в нем свечку, от чего стало намного уютнее. Просмотрев меню, мы увидели, что цены здесь очень невысокие, и заказали шашлык и вино. Парнишка убежал, а мы, оглядываясь по сторонам, обменялись мнениями.

– Как хорошо, что ты решил меня сюда позвать, – довольным тоном говорила жена. – Здесь очень мило, и можно будет часто ходить сюда. А главное, что держат это кафе вьетнамцы!

– Почему же это главное? – удивился я.

– Может быть, это непатриотично, но, если бы тут работали славяне, нам бы пришлось ждать долго, терпеть грубость

официантов и вообще, здесь не было бы так приятно сидеть. А азиаты – прирожденные торговцы и знают не только как привлечь публику, но и как ее не потерять. Они обходительные, вежливые, услужливые! Надо будет им непременно на чай оставить!

– Посмотрим еще, как здесь кормят, – остудил я ее восторженное состояние.

Тут мы обратили внимание на то, что обслуживающего персонала в этом кафе явно гораздо больше, чем требуется, – человек двадцать вьетнамцев, несмотря на то что было уже довольно темно, споро перекапывали заросшую кустами и травой землю неподалеку от кафе, работая без устали, как муравьи.

– Что это они собираются тут делать? – озадаченно спросила Маруся.

– А ты что, забыла, как твой отец рассказывал, что во время перестройки дачникам выделили по паре соток земли «на отшибе», чтобы они могли сажать там что-нибудь? Картофель, например, – напомнил я. – В то время это было хорошим подспорьем.

– Точно! – покивала она. – Нам тогда тоже дали, но потом, когда жизнь немного наладилась, мы эту делянку забросили.

– Как и большинство других людей, – добавил я.

Тут к нам подошел официант, который принес наш заказ, и я спросил у него, кивая в сторону согнутых спин:

– Что там происходит?

– Мы хотим тут огород делать, чтобы свою зелень иметь, – объяснил он. – Это будет дешевле, чем покупать, как сейчас. Нам ваш председатель разрешил, потому что земля все равно пустует и ею никто не пользуется.

– Но откуда вы узнали, что здесь когда-то уже были огороды? – удивилась Маруся.

И вместо официанта ей ответил я:

– Дорогая! Корейцы, вьетнамцы, китайцы – отличные огородники!

– Спасибо за добрые слова! – расплылся в улыбке официант. – Мы действительно всегда можем понять, какая земля хорошая, а какая – нет! – И разлил по бокалам вино. – Желаю вам приятно провести время в нашем кафе! – пожелал он и отошел.

Обильно украшенный зеленью шашлык выглядел очень аппетитно, но мы, хоть и проголодались изрядно, решили для начала попробовать вино. Немного отпив, мы прислушались к своим ощущениям и, переглянувшись, решили, что оно очень неплохое. Только мы было решили приняться за мясо, как в кафе появился Афонин и с ходу, не дожидаясь, когда к нему подойдет официант, крикнул в сторону кухни:

– Мне бокал пива! – и тут же уточнил: – Самого дешевого!

Он сел за соседний с нами столик и, неодобрительно поглядев на наши тарелки, как бы в сторону, но очень многозначительно заметил:

– Странно! Еще вчера по поселку целая стая бездомных

собак бегала, а сегодня я ни одной не видел! И куда они могли подеваться? – и выразительно посмотрел на направлявшегося к нему с его заказом официанта.

Парнишка мгновенно перестал выглядеть приветливым и улыбочивым, его лицо помрачнело, и видно было, что ему есть что сказать на это, но он сдерживался. Он поставил бокал с пивом на столик перед Виктором Петровичем и собрался было уходить, когда Афонин продолжил свой монолог.

– А вот когда я на Дальнем Востоке служил, видел этих «огородников», – презрительно выговорил он – вероятно, Виктор Петрович услышал часть нашего разговора с официантом, вот и решил внести некоторую ясность в этот вопрос. – Все местные корейцы не только собак ели, но еще и дрались за право бесплатно солдатские туалеты вычерпать. А потом все это дерьмо прямо на свои огороды и выливали. Удобрляли их, видите ли! Так у нас в части никто их зелень никогда не покупал, и они ее в город возили!

– Простите, но мы не корейцы! Мы вьетнамцы! Мы собак не едим! – изо всех сил стараясь быть вежливым, осторожно заметил официант.

– Вьетнамцы! Корейцы! Японцы! Китайцы! Какая разница? Один черт – узкоплечные! – совершенно не политкорректно отмахнулся от него Афонин.

Мы с женой переглянулись и с большим подозрением уставились на свой шашлык, но тут к воротам нашего ко-

оператива, то есть уже миновав новые, подъехал огромный джип, а из него гремел оглушающий рэп, который современная молодежь ошибочно принимает за музыку. Посмотрев на номер, я очень удивился, потому что машина была не из наших поселковых, которых я всех знаю, а явно принадлежала какому-то немалому милицейскому чину.

– Чудны дела твои, Господи! – пробормотал я. – И кто же это у нас в кооперативе такими крутыми знакомыми обзавелся? Причем настолько близкими, что они к нему на дачу на ночь глядя приезжают!

Джип посигналил, и из сторожки вышел Юрич. Сверившись со списком, он открыл ворота и пропустил машину. Ну, ничего страшного, решил я, значит, все это делается с ведома нашего председателя, который этот порядок и установил.

– Что будем делать? – шепотом спросила меня жена и этим оторвала от моих размышлений. – Мне совсем не хочется не то что есть, а даже пробовать собачатину!

– Значит, допьем вино и пойдем домой, потому что я тоже не склонен рисковать, – ответил я.

Увидев, что мы поднимаемся, даже не притронувшись к мясу, официант бросился к нам и принялся увещевать:

– Поймите! Это не собака, это свинья! Мы и сами не едим собак и других этим кормить не будем!

– Да-да! Мы верим! – ответил ему я. – Только, знаете, аппетит как-то пропал!

И мы с Марусей направились домой, причем когда мы

проходили мимо Афонина, он посмотрел на нас таким насмешливым взглядом, так ехидно улыбнулся, что я мысленно пообещал непременно ему это припомнить.

Глава 5. МАША. НОВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Возвращались мы на дачу голодными и расстроенными.

– Ничего себе, провели культурно время! – пробурчала я себе под нос, а потом спросила мужа: – Саша! Как ты думаешь, это действительно была собачатина?

Ответить он не успел, потому что мимо нас промчалась по своим ночным делам та самая стая бездомных собак, о судьбе которой так печалился Афонин.

– Как видишь, нет! – сказал Сашка, кивая подбородком им вслед. – Просто это Куркуль решил мне, видимо, отомстить за то, что я напомнил ему о том, как он сам подписал некий документ, из-за которого лишился возможности гулять в лесу со своей Заразой.

– И ведь сработал психологический фактор! – неприязненно сказала я. – После таких рассказов действительно кусок в горло не полезет! Только деньги зря потратили!

– Ничего! Отольется еще ему наш испорченный ужин, – зловеще пообещал муж.

– Интересно, кто это так шумно гуляет? – спросила я, переводя разговор на другую тему, потому что где-то действительно вовсю гремела музыка.

– А черт его знает! – пожал плечами Сашка.

Но по мере приближения к нашей даче звук становился все громче и громче, и, когда мы вошли на наш участок, он нас просто оглушил.

– Странно! – сказала я. – Мажора нет, а гремит с той стороны!

Тут к реву идиотского рэпа присоединился еще и пьяный хохот и визг девиц, которые даже перекрыли чудовищные децибелы. Мы переглянулись, и тут со стороны участка Богданова раздался голос Сергея Сергеевича:

– Да вашу мать! Вы выключите этот рев или нет?

В ответ он получил крайне непечатную тираду, произнесенную наглым мужским голосом, но в долгу не остался и обложил своего собеседника отборным матом, что вызвало только насмешливый хохот.

– Наверное, Мажор по какой-то причине вернулся! – догадалась я. – Видимо, он поссорился со своей девушкой и теперь заливает горе в компании бывших друзей!

– Ладно! Потерпим! – отмахнулся муж. – К ночи он утихомирится!

– Да, обычно он не нарываяется на неприятности! – согласилась я. – Особенно с тех пор, как отец взялся за него вплотную.

Мы вошли в дом, и я начала на скорую руку готовить поздний ужин, решив ограничиться холодными закусками, потому что ни времени, ни желания затевать готовку у меня не было. Есть мы решили на застекленной веранде, поскольку

дезинфицирующая жидкость еще окончательно не выветрилась и в беседке, пусть и продуваемой насквозь, весьма ощутимо пованивало.

– Странно! Что-то Мажор сегодня не на шутку разгулялся, – через некоторое время заметил Сашка. – Добрые люди в такое время уже спать ложатся, а он все шумит.

Я посмотрела на часы и удивилась – действительно, обычно к этому времени Мажор уже должен был выключить этот грохот.

– Послушай, может, он напился и заснул? – спросила я. – Тогда его шарманка еще долго будет грохотать. Пошли посмотрим, и если он на самом деле спит, то разбудим его.

– Пошли! – согласился муж. – А то ведь всю ночь не заснем.

Мы подошли к даче Мажора и удивленно застыли – на его участке было полно совершенно незнакомых людей: это были молодые парни с наглыми рожами и девицы такого легкомысленного вида, что их не иначе как с трассы сняли. Во дворе же стоял тот самый джип, который проезжал мимо нас, когда мы сидели в кафе.

– Молодые люди! – во весь голос крикнул Сашка, потому что иначе его не услышали бы. – Позовите Максима!

– Какого еще Максима? – отозвался высокий качок с самодовольной жлобской мордой молодого прожигателя жизни (вероятно, он тут верховодил), на руке у него висела пьяная девица, которую трудно было назвать иначе, как прош-

мандовкой.

– Хозяина этой дачи! – проорал муж.

– А теперь мы тут хозяева! – нагло и вызывающе ответила прошмандовка.

– Странно, но Максим ничего не говорил о том, что собирается продать дачу, – с подозрением сказал Сашка. – Но уж если вы ее купили и стали членами нашего кооператива, то не мешало бы вам подчиняться общим для всех дачников правилам.

– Да на хрена нам этот курятник! – расхохотался качок. – Мы его сняли на время!

– Максим ее вам сдал? – воскликнула я, уже прикидывая, что выскажу этому мерзавцу, когда он вернется.

– Не знаю я никакого Максима! – небрежно бросил качок.

– Кто же вам ее тогда сдал? – еще более подозрительно спросил Сашка. – Мне почему-то кажется, что вы ее самовольно заняли!

– Слушай, мужик! Ты мне надоел! – вызверился качок. – Катись отсюда, пока цел!

– Жека! Не связывайся ты с этим уродом! – попыталась остановить его прошмандовка и ответила вместо него: – Нам ее Кряков сдал!

– А он-то имеет к этому какое отношение? – обалдело переглянулись мы с мужем.

– А он ее у этого вашего... как его там?.. Максима снял! – объяснила прошмандовка и выразительно сказала: – Вы нам

мешаете отдыхать! Идите отсюда! А то когда Жека злой, он очень буйный!

– И лучше вам этого не проверять на деле! – небрежно бросил на это качок Жека и, потеряв к нам всякий интерес, повернулся к своим братьям по разуму и громко крикнул: – Гуляем дальше!

– А вы не могли бы сделать потише свою музыку или даже выключить ее? – попросил Сашка. – Ночь же на дворе! Вокруг люди спят!

– Щас! – осклабился Жека. – Я этому Уткину...

– Крякову! – поправила его проשמандовка.

– Один хрен! Бабло за отдых отстегнул и могу теперь здесь делать все что хочу! – закончил качок.

Тут он стал куда-то вглядываться поверх наших голов, и мы, повернувшись туда вслед за ним, увидели, что это он заметил Юрича, который лез на столб, чтобы отсоединить электропровод, шедший к даче Мажора, – видимо, его кто-то об этом попросил, не иначе как Богданов, потому что он стоял внизу.

– Ну, ты! Чмо! – догадавшись о его намерениях, взревел Жека. – А ну слезай обратно! А то мы тебя по травке размажем! Ни один врач обратно не соберет!

Испуганный Юрич застыл на полпути, а потом начал осторожно спускаться и, достигнув земли, проворно скрылся в темноте.

– Выключайте свою громыхалку, а то я сейчас милицию

вызову! – раздался командирский голос Куркуля.

– Да пошел ты! – вызверилась на него прошмандовка.

– Вызывай! – расхохотался Жека. – Только сначала на это посмотри!

Качок подошел к джипу и распахнул дверцу, а потом достал оттуда и предъявил на всеобщее обозрение висевший на плечиках милицейский китель с полковничьими погонями.

– Мой папахен – крутой мент! В МУРе ишачит! Я ему сейчас позвоню, он приедет и построит вас здесь всех по стойке «смирно».

– Похоже на правду, – шепнул мне Сашка. – Номера действительно милицейские! Наверное, его отец просто забыл форму в машине.

Но Богданов решил так просто не сдаваться и заявил:

– Я сейчас охрану со своей фирмы вызову, и мы еще посмотрим, как вы после этого запоете!

– Давай! – охотно согласился Жека. – А я сейчас вызову ОМОН! Хочешь?

С этими словами он достал из кармана шорт свой мобильник и начал набирать какой-то номер.

– Бросьте, Сергей Сергеевич! – тихонько сказала я Богданову. – Этот мерзавец, судя по всему, действительно может это сделать!

– Как же он должен ненавидеть своего отца, чтобы так позорить его! – гневно пробормотал сквозь зубы Богданов.

Между тем «добры молодцы и красны девицы» перестали

обращать на нас внимание и продолжили отрываться по полной, а мы стояли и в бессильной ярости смотрели на них, понимая, что ничего не сможем сделать, потому что силы были явно неравны, причем о рукопашной и говорить не приходилось – сила, молодость и количество были явно на стороне этих буйных, отвязных подонков.

– Я вот еще стройотряды застал, – негромко сказал Богданов. – Так местные парни в деревенском клубе на танцах вели себя приблизительно так же, как и эти обдолбанные отморозки. Тоже не стеснялись!

– Одно слово – безбашенные, – поддержал его Сашка.

– Мне кажется, они просто выпили лишнего, вот и разгулялись, – предположила я. – Не исключено, что наутро они протрезвеют, проспятся и будут еще прощения просить.

– Ты сама-то веришь в то, что говоришь? – хмыкнул муж.

– Нам остается только на это надеяться, – вынуждена была признать я.

Так ничего и не добившись, мы отправились по домам, а музыка продолжала греметь нам вслед, словно издеваясь над нами.

Вернувшись на дачу, мы с Сашкой грустно посмотрели на наш ужин и дружно вздохнули – день был испорчен окончательно. Вяло поковыряв в тарелках, мы собрались ложиться спать, и тут Сашка сказал:

– Извини, дорогая, но на трезвую голову я заснуть не смогу! – и достал бутылку водки, которую купил, как он сказал,

в деревне еще в самом начале этого кошмара.

– Не скажу, чтобы я была в восторге от такого предложения, но ты во всем прав, – покаянно сказала я.

– В чем «во всем»? – открывая водку, спросил муж.

– И в том, что выпить остро необходимо, и в том, что ты сказал тогда: «Еще не вечер», – объяснила я. – Эх, знать бы заранее, чем закончится затея этого проклятого Крякова!

– А ведь я тебя предупреждал! – не выдержав все-таки, сказал муж, и мне нечего было ему на это ответить.

Хорошо приложившись к бутылке, мы легли спать, но, даже выпивши, заснули не сразу.

Глава 6. САША. ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА НАД НАМИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Сон у меня очень чуткий, так что за ночь я не раз вставал, чтобы приложиться к бутылке и хоть так немного поспать. Естественно, я смотрел на часы и выяснил, что треклятая музыка стихла только где-то около пяти часов утра. На следующий день я проснулся довольно поздно – было уже одиннадцать часов, но первым, потому что Маруся еще спала. Голова болела страшно: тут и выпитое сказалось, и грохот рэпа, помноженный на крики и визг без устали веселившихся новоявленных соседей, которых нам не иначе как за грехи наши Кряков подсунул, будь он неладен вкупе с тупоумными дачниками, позарившимися на дармовщинку, и мерзавцем Мажором, сдавшим ему дачу.

Наскоро одевшись, я решил при свете дня выяснить диспозицию сил противника, чтобы попытаться выработать план, как с ним бороться. Потихоньку подойдя к забору, я спрятался за деревом и стал наблюдать. Увиденное меня не порадовало: то, что успела посадить девушка Мажора, было вытоптано так, словно там танцевало стадо слонов, ну да черт с ними, с этими насаждениями! Пусть у Мажора об этом голова болит! А вот то, что колонки от музыкального центра

были выставлены в открытые окна второго этажа, волновало меня куда больше – теперь стало понятно, почему музыка звучала так оглушающе громко.

Рассмотрев все как следует и решив, что единственный путь хоть немного сносного существования рядом с этими мерзавцами заключался в том, что нам с женой необходимо будет перейти на тот же режим дня, что и они, то есть ложиться спать и просыпаться одновременно с ними, я собрался было уже вернуться домой, как вдруг увидел, что к калитке оккупированной противником дачи приближался наш участковый.

Человек он был справедливый, временами неплохой, хотя и с тяжелым характером, и особо ни к кому не придирался. Но случалось, что на него находило, и тогда он становился излишне подозрительным и с ним было трудно ладить. Оно и понятно: работа сволочная, хлопот полон рот, а жалованье так себе, в полном соответствии с лейтенантским званием. Сейчас же я смотрел на этого человека как на посланца небес, в надежде, что он сможет как-то урегулировать сложившуюся ситуацию, хотя, откровенно говоря, не слишком-то в это верил.

Милиционер вошел во двор и, поднявшись на крыльцо, начал стучать в дверь. Довольно долго ему никто не открывал, а потом наконец-то появился в одних трусах, но с непременным мобильником в руке заспанный и взлохмаченный качок Жека и с ходу начал наезжать на участкового.

– Ты какого черта в такую рань приперся? Какого хрена тебе надо?

– Во-первых, здравствуйте, – начал участковый. – А во-вторых, поступил сигнал, что вы и ваша компания грубо нарушали общественный покой дачников. Нехорошо, молодой человек! Людей и их право на отдых надо уважать!

– А вот я тебе сейчас дам поговорить с одним человеком, и ты, ментяра, узнаешь, кого здесь надо уважать, – угрожающе заявил Жека и, произнося вслух цифры, начал набирать на телефоне какой-то номер.

Я посмотрел на участкового и, судя по его вытянувшемуся лицу, понял, что этот номер ему знаком.

– Николай Петрович! – начал свой разговор Жека. – Извини, что так рано беспокою, но тут один твой лейтенантик вздумал права качать! Самодеятельностью, понимаешь, занялся! Ты ему объясни, как себя вести надо! – Тут он сунул телефон участковому и сказал: – На! Не хотел меня слушать, так подполковника Егорова послушай!

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – поприветствовал своего собеседника милиционер, но больше ничего сказать не успел, а только довольно долго слушал, стоя по стойке «смирно», а потом начал, как заведенный, повторять: – Есть, товарищ подполковник! Так точно, товарищ подполковник! Будет сделано, товарищ подполковник!

– Ну? Доволен, ментяра? – торжествующе сказал Жека. – Будешь теперь знать свое место! А то приперся! Разбудил!

Еще раз сунешься – я папахена своего напрягу, и он тебя вообще без погон оставит! Он у меня полкаш в МУРе!

– Извините! – только и смог выговорить багровый участковый и, отдав этому мерзавцу честь, вышел со двора.

Я быстро пробежал через наш участок и встретил милиционера, когда он, вытирая обильно струившийся по его лицу пот и цедя сквозь зубы под нос явно что-то непечатное, собирался вернуться в Салтыковку, где и был его пункт.

– Здравствуйте! – сказал я. – Видел я, что произошло, и искренне сочувствую вам. Этот подонок вам в сыновья годится, а вел себя как последняя сволочь.

– Да уж! Нахлебался я унижений! – пробурчал он.

– Зайдите к нам! – пригласил я. – Посидите, чаю или кофе попьете и успокоитесь хоть немного.

– Спасибо! – сказал участковый. – Мне действительно не помешает дух перевести.

Мы с ним прошли к нам, и я, оставив его в беседке, чтобы не потревожить жену, наскоро сделал кофе и отнес его туда.

– Нет! Ну, какой наглец! – возмутился участковый, куря одну сигарету за другой. – Да и вообще, что за времена пошли? Раньше бы за такого сыночка его отца на партсобрании так пропесочили, что мало не показалось бы, а сейчас что? Полная безнаказанность! Меня, защитника правопорядка, ставят по струнке за то, что я этот самый порядок и охраняю!

– Боюсь, это только начало, – заметил я. – Слышали бы

вы, как этот негодяй с нами вчера разговаривал!

– Откуда они вообще здесь взялись, эти отморозки? – спросил милиционер.

– Кряков постарался! – сказал, как плюнул, я. – Он у Парамонова-младшего дачу снял и этим придуркам сдал! А вы вообще в курсе, что у нас здесь творится?

– Наслышан, – покивал он. – Так ведь с общего согласия членов кооператива тут этот проходимец устроился!

– А никак нельзя на этого Крякова надавить, чтобы хоть он своих клиентов приструнил? – спросил я.

– Не знаю, – пожал плечами участковый. – Это личность темная, грешки за ним водятся немалые, только доказать пока мы ничего не смогли. Но если вдруг какие-нибудь факты или улики обнаружатся, то сядет он как миленький!

Я быстро сгонял в дом и вернулся с визиткой, где был указан номер сотового телефона.

– Сейчас я ему вставлю пистон за то, что он таких уродов к добропорядочным гражданам подселил, – зловеще пообщал он.

Но из нашей затеи ничего не вышло, потому что в ответ мы раз за разом получали только одно: абонент вне зоны доступа.

– Ну, спасибо за кофе, пойду я, – сказал, поднимаясь, участковый.

– Да посидите еще, отдохните, – сочувственно предложил я.

– Нет! Пора! – покачал головой он, и тут...

Тут нам по ушам со страшной силой снова ударили децибелы рэпа.

– Господи! Да как же вы здесь живете? – не выдержав, воскликнул милиционер.

– Да разве это жизнь? – в свою очередь, спросил я.

Я пошел проводить милиционера до калитки и через забор увидел, как Куркуль выходил из своего дома, правда, за кустами возвышалась только его голова. Хотя я был зол на него за вчерашнее, но все-таки кивнул ему в знак приветствия, но он этого, наверное, не заметил и скрылся из виду.

– Ну, Александр! Звоните, если чего, – сказал участковый, протягивая мне руку.

– А толку? – безнадежно спросил я.

– Так, может, еще чего случится, – неопределенно сказал он.

– Не накаркайте! – быстро попросил его я, хотя и понимал, что говори не говори, а неприятностей нам не избежать.

И тут со стороны дачи Мажора раздался звук выстрела.

– Из охотничьего жаканом жажнули! Это точно! – с ходу определил милиционер.

– Это разрывной патрон на крупную дичь? – уточнил я.

– Да! – кивнул он.

– Неужели они затеяли перестрелку и кого-то из этой тепловой компании грохнули? – с затаенной радостью спросил я. – Может, они после этого отсюда съедут?

– Надо разобраться! – сказал милиционер, и мы с ним побежали к даче Мажора.

Но все оказалось совсем по-другому: из людей, хотя называть этих подонков людьми – явное преувеличение, никто не пострадал, зато стоявшая в окне одна из колонок музыкального центра была разбита вдребезги. На земле же валялось ружье с разбитым прикладом, а чуть подальше молодые садисты во главе с Жекой, яростно матерясь, с энтузиазмом били ногами Куркуля.

– Они же его насмерть забьют! – в ужасе крикнул я.

– Немедленно прекратите! – заорал участковый и, достав пистолет, выстрелил в воздух.

Отморозки прыснули в разные стороны, а я бросился к Афонину и помог ему подняться. Он стоял с разбитым лицом, опираясь на мою руку, и, сплюнув кровь, сказал:

– Достали, сволочи!

Поняв, что никто по ним стрелять не будет, эти гады вернулись обратно, а Жека даже повелительно крикнул участковому:

– Эй, ментяра! Иди сюда! Поработай по прямой специальности! Мы тут хотим написать заяву, что эта гнида покушалась на убийство! Диктуй давай, как ее составлять! Она будет от моего имени, а остальные подпишут ее как свидетели!

– Еще как подпишем! – хором подхватили эти мерзавцы, а прошмандовка даже заявила:

– Я хочу отдельное заявление написать, что этот сума-

сшедший целился именно в меня!

Хотя участковый и пошел пятнами, но я понял, что толку от него не будет, и взял бразды правления в свои руки. Афонин, конечно, человек своеобразный и периодически доставлял нам немало хлопот, но ведь добра мы от него видели немало, так что надо было его спасать.

– Вы, девушка, немного неправильно выразились, – мягко сказал я проשמандовке. – Виктор Петрович, который, между прочим, гвардии подполковник в отставке, совсем не сумасшедший. Он ушел из армии по состоянию здоровья, когда был контужен во время учений. Так что заявление вы, конечно, написать можете, но... – Я развел руками. – Вряд ли вы этим чего-нибудь добьетесь, потому что суд признает его недееспособным и освободит от ответственности за свои поступки, которые, что суд тоже примет во внимание, были вами спровоцированы.

– Так он что, псих, что ли? – с испугом глядя на Афонина, спросила проשמандовка.

– Ну что вы! – воскликнул я. – Иначе бы он находился в соответствующем учреждении, но при определенных обстоятельствах он не в силах контролировать свои эмоции.

– А теперь пусть контролирует! – нагло заявил Жека. – А то мой папахен его мигом в «дурку» упрячет! На этот раз, так и быть, я его прощаю, но больше чтоб не выступал! И еще пусть новую колонку оплатит!

Услышав о том, что ему после всех над ним издевательств

и побоев еще и раскошелиться придется, Куркуль дернулся было, но я жестко взял его за руку и вместо него пообещал:

– Он оплатит!

– То-то же! – довольно заявил Жека. – А остальным старым пердунам пусть наука будет, чтобы не мешали нам, молодым, отдыхать как нам хочется! Как говорится, за все заплачено!

– И долго вы еще здесь гулять собираетесь? – раздался вдруг у меня за спиной голос неслышно и незаметно подошедшей Маруси. – Вы уж нас предупредите заранее, чтобы мы знали, сколько это продлится. Кое-кто вполне может захотеть уехать в город и прожить это время там.

– А мы еще не решили! – ответил Жека. – Если понравится, то до конца лета здесь останемся! А что в Москве делать? Жара! Клубняки надоели! На улицах толпы уродов! А главное, я дома крутой ремонт затеял, вот и надо где-то перекантоваться! – небрежно бросил он.

Что-то не то проскользнуло в его интонации, и я, внимательно посмотрев на него, понял, что возвращаться в Москву ему не хочется по каким-то совершенно иным причинам. Жека же, поймав мой взгляд, внезапно расвирепел и нагло заявил:

– Короче! Сколько надо, столько и будем здесь отдыхать! А если будете мешать, то мы этого старого хрыча тут же посадим! Пусть не в колонию, так в психушку! А теперь валите отсюда!

Мы все дружно переглянулись и, решив не обострять отношения, отправились по домам, причем Куркуль успел прихватить и свое ружье. Я довел охающего Афонина до его калитки, и он прочувственно сказал мне:

– Спасибо, Саня! Если бы не ты, то еще неизвестно, чем бы все это кончилось.

– Да ладно вам, Виктор Петрович! – отмахнулся я. – Мы же соседи и должны сплотиться перед общей бедой! Только вы уж больше не нарывайтесь! Да, впрочем, вам теперь и не из чего стрелять.

– Это как сказать, Саня! – криво усмехнулся он своим разбитым ртом и тут же поморщился от боли. – Приклад-то новый сделать недолго!

– И все-таки будьте поосторожнее! – попросил я.

– Да уж больше так глупо не попадусь, – пообещал он и, помедлив, сказал: – Ты меня извини за вчерашнее, Саня! Испортил я тебе с Машей вечер! Разозлился я просто, что ты меня мордой в мое же собственное дерьмо ткнул, а ведь за дело! Эх, и чего мы тогда тебя не послушались? Ты ведь предупреждал, что ничего хорошего из этого не выйдет, и оказался прав!

– Чего уж теперь? – вздохнул я. – Сделанного не воротишь!

Вернувшись на дачу, я сказал удрученно сидевшей перед чашкой кофе жене:

– Да, Маруся! Влипли мы все!

– Да уж! Жить по соседству с такими отъявленными эгоистами и подонками – это то же самое, что ехать в одном купе из Владивостока в Москву в обществе бабки с козой, цыганки с детьми и пьяного дембеля, – сокрушенно вздохнула она.

– Зато у тебя теперь будет бесценный опыт – вдруг тебе закажут сценарий, как людям отдых испортить, так тебе и придумывать ничего не придется! – попытался приободрить я ее.

Дело в том, что моя жена по профессии режиссер-постановщик массовых мероприятий, но работа это сезонная и на ней много не заработаешь, вот она и создала свою фирму по розыгрышам, организации корпоративных вечеринок и тому подобного. Как ни странно это покажется вменяемому человеку, но находилось немало желающих устроить своему другу или коллеге какой-нибудь бандитский налет со стрельбой, похищение инопланетянами и все в этом духе, так что фирма Маруси не то чтобы совсем уж процветала, но и жаловаться на отсутствие клиентов тоже не приходилось.

– Знаешь, Саша, – задумчиво сказала она. – Даже если такой заказ поступит, то я за него не возьмусь. Я теперь на собственной шкуре испытала, что это такое, и никому этого не пожелаю! Даже в шутку!

Глава 7. МАША. АД КРОМЕШНЫЙ В ОДНОМ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ ДАЧНОМ КООПЕРАТИВЕ

Прошло всего несколько дней, а обстановка в нашем дачном поселке сложилась такая, что хоть в город возвращайся. Некогда райский уголок, где можно было отдохнуть душой и телом от суетной Москвы и трудов праведных, превратился в филиал сумасшедшего дома, где отнюдь не мирно соседствовали буйнопомешанные и тихие психи. К первым относились наши неугомонные соседи: качок и его развеселая компания, которые почти до утра гоняли такую, с позволения сказать, «музыку», что половина дачников, те, что здоровьем послабее, вповалку лежали с приступами дикой головной боли и гипертоническими кризами, а ко вторым – мы, несчастные жертвы алчности Мажора. Узнав от нас с мужем о том, что это он сдал свою дачу Крякову, который и подсуропил нам этих подонков, а сам Мажор где-то на курорте пузо греет, люди обозлились на него так, что лучше бы ему больше никогда в поселке не показываться – линчуют!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.